

Клуб научных журналистов:

«А Галилео Галилей по-прежнему ньюсмейкер»



СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН

Ольга Орлова, обозреватель раздела «Передовая наука» интернет-издания «Полит.ру». Кандидат филологических наук. Лауреат премии конкурса научных журналистов Объединенного института ядерной физики.

— На первый взгляд сегодня научно-популярная журналистика в российских СМИ не играет существенной роли. Большинство массовых изданий охотно обходятся без научных тем... Но сейчас это и не так страшно. Гораздо хуже, когда без них не обходятся. И появляются «научные» публикации, которые приносят куда более заметный вред, чем некачественные статьи

из других областей. Если читатель после хвалебной рецензии на спектакль, убедился вскоре, что постановка слабовата, урон небольшой. Максимум — испорченное настроение. Или если политический прогноз обозревателя оказался неверным, то далеко не всегда ошибка колумниста отразится на жизни того, кто с удовольствием прочитал эту колонку в метро. Конечно, речь не идет о намеренном искажении фактов. А люди, узнавшие про «чудодейственные» таблетки, изобретенные «замечательными учеными» из секретного военного института, про аппараты, «преобразующие энергию неизвестного типа в целебную», бросающиеся в магазины. Становясь жертвами в буквальном смысле. Спекуляция на незнании — обратная и очень опасная сторона «научных разделов» в массовых изданиях. В чем загадка феномена Гробового, академика РАЕН, обещавшего несчастным матерям Беслана за деньги воскресить погибших детей? Успех мог быть куда меньше, если бы не постоянные псевдонаучные публикации в прессе и телефильмы на центральных каналах. Они приучают людей к тому, что некоторые ученые, «постигающие таинственные загадки мироздания», продвинулись столь глубоко, что уже сами творят чудеса — стоит лишь обратиться к ним...

Дело не только в отсутствии критического мышления, а часто и минимального образования у читателя. Необходимыми знаниями нередко не обладают и сами авторы публикаций. Даже если журналисты

или интервьюируемые ученые обладают необходимыми профессиональными знаниями, то научно невежественные редакторы предпочитают публиковать примитивные или даже квазинаучные материалы. Осознавая серьезные проблемы, связанные с распространением научного знания в российских СМИ, инициативная группа журналистов и ученых два года назад объединилась в Клуб научных журналистов (КНЖ).

Сегодня в Клубе более сотни членов, среди которых ученые-популяризаторы из университетов и Академии наук, а также журналисты и редакторы научных разделов СМИ. («Эхо Москвы», радио «Свобода», журнал «Русский ньюсик», агентство «Информнаука», журналы «Вокруг света», «Популярная механика» и «Компьютерра», газета «Ведомости», интернет-издания «Газета.ру», «Грани.ру», «Элементы.ру», «Полит.ру», научно-популярный сайт «Математические этюды» и многие другие — О. О.). Чтобы обсудить самые насущные проблемы, члены Клуба время от времени собираются «живьем» в кафе, а ежедневно поддерживают связь и координируют действия через общую рассылку и свой сайт. В КНЖ объединились те, кто хочет показать сложность и непредсказуемость реального мира, мощь научного мышления и подлинную жизнь ученых. Второй задачей Клуба стала борьба со лже- и псевдонаукой. С теми, кто сознательно или по невежеству вводят в заблуждение читателей и зрителей.



Александр Сергеев, научный редактор журнала «Вокруг Света».

Один из создателей КНЖ, научный редактор журнала «Вокруг света». Руководил Юношеской астрономической школой в Санкт-Петербурге, дважды входил в тройку сильнейших и лучших журналистов в конкурсе интернет-проекта «Астротоп», работал заместителем главного редактора журналов «Мир-Интернет» и «Byte/Россия».

— Особенности научной журналистики диктуются различием между языками повседневного общения и науки, который насыщен специальной терминологией и сложными выкладками. Перевод важных новых знаний с предельно специализированных научных языков на язык общей культуры — главная задача научных журналистов. Им требуется хорошо понимать, чем занимаются ученые, и вместе с тем тонко чувствовать массовую аудиторию. В литературном языке, в отличие от научного, есть яркие образы, метафоры, сравнения, вообще игра с эмоциями. Надо уметь использовать их так, чтобы отсутствие у публики специальных знаний не мешало получить корректное представление о сути новых научных работ.

К сожалению, профессионалов, сочетающих научные знания с журналистским мас-

терством, немного. При этом в российских СМИ науку из-за того, что в ней не ориентируются главные редакторы и издатели, часто считают второстепенным предметом. Статьи о науке поручаются журналистам общего профиля, которые не владеют необходимыми знаниями, чтобы задавать ученым правильные вопросы и понимать ответы. Еще хуже, когда журналист, не отличая ученого от шарлатана, ставит их высказывания наравне друг с другом как мнения экспертов. В результате получаются материалы, переполненные ошибками — вводящие публику в заблуждение. Недавно обнаружился вопиющий факт. Журналистка Наталья Лескова за последний год пять раз публиковала в «Независимой газете» статьи о новостях астрономии с безграмотными комментариями, приписываемыми заместителю директора ГАИШ астрофизику Игорю Герасимову, который умер в марте 2005 года. Конечно, подобное — заведомая подтасовка, за что можно и в суд подать. Но, как правило, юридической ответственности за сообщение заведомо ложных сведений о науке нет. Чем и пользуются недобросовестные «журналисты», некоторые из которых вообще рассматривают статьи о науке, как повод «поприкалываться».

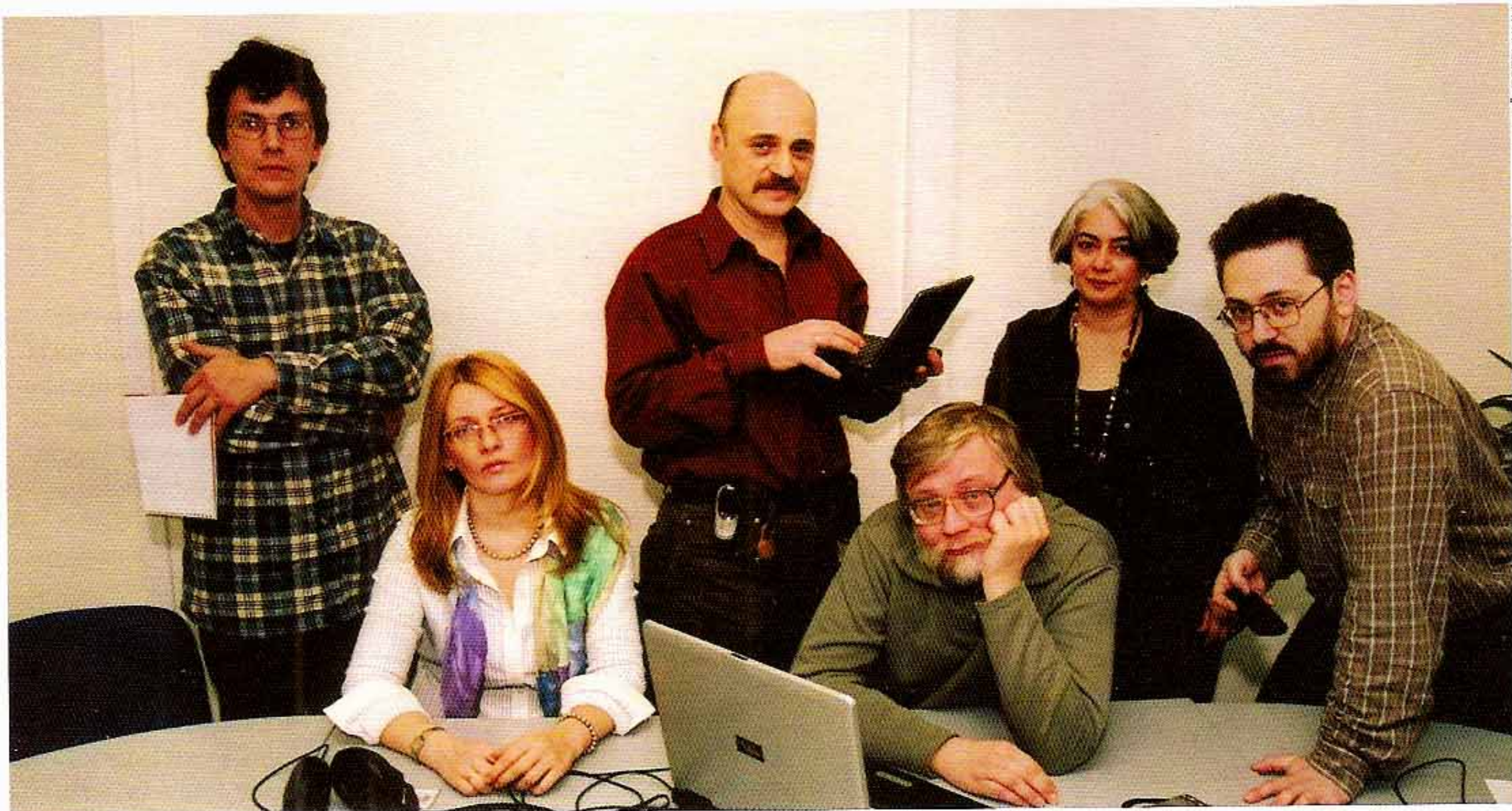
Между тем наука крайне редко порождает сенсации. Большинство исследований идут годами. Ученые лишь постепенно приближаются к новым результатам, почти никогда не вызывающим радикальных перемен в научных представлениях. Это вовсе не означает, что о науке нельзя писать интересно и даже захватывающе. Но, к сожалению, в последние годы публику приучили, не вдаваясь в детали, ждать научных псевдосенсаций. У нас в Клубе научных журналистов собрались обозреватели и ученые, которые стараются как собственной работой, так и общением с коллегами исправить ненормальное положение. Но, конечно, потребуется немало времени и сил.

Александр Костинский, редактор программ науки и образования радио «Свобода». Кандидат физико-математических наук, лауреат премии Союза журналистов, компании «Интел», Нацио-

нальной премии «Золотой диск» 2007 года. Работал в Институте общей физики Академии наук (ИОФАН). Один из авторов первой постоянной радиопрограммы об Интернете «Седьмой континент», главный редактор газеты «Школьная компьютерра».

— Убежден, что хорошим научно-популярным журналистом может быть только ученый, обученный журналистскому ремеслу. На радио и в печатных изданиях, с которыми я сотрудничал, через «мои руки» прошли чуть ли не три десятка начинающих журналистов. Ни один из них (подчеркиваю, ни один!) не смог делать качественные научно-популярные журналистские материалы. Почему? Дело в том, что барьер вхождения в науку очень высок. Минимум десять лет обучения и работы в лабораториях, участия в семинарах, конференциях, подготовки научных статей и так далее. А обучить писать профессиональные журналистские статьи берусь за полгода любого заинтересованного ученого с нормальным русским языком. Одаренного темпераментом ученого можно за год обучить радиожурналистике. Там многое зависит от энергетики и качества речи человека, а также много времени уходит на обучение технике записи и обработки звука. Знающие люди могут вспомнить при-





СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН

мер Ярослава Голованова из «Комсомольской правды» советских времен, который не был ученым. Исключение, подтверждающее правило. Голованов много лет восполнял недостаток знаний самообразованием. Но проблема глубже. Никаким самообразованием, к сожалению, нельзя заменить и дополнить понимание конкретной жизни науки. Наука, которая уже состоялась, – в учебниках. Наука, которая еще делается, коренным образом отличается не только от школьных, но и от вузовских учебников. Она – другая. Если человек не понимает всей зыбкости, неточности, противоречивости или даже ошибочности, если буквально, науки на переднем крае, то ему очень сложно работать с учеными-экспертами. Таковы даже самые «точные» естественные науки в процессе создания. Вообще-то, журналист – это «эксперт по экспертам». Толщиной «записной книжки» качество журналиста определяется гораздо больше, чем умением бойко писать. Профессиональный ученый, пусть и молодой, будет гораздо осторожнее и точнее в материалах, чем самый ответственный журналист. Кроме того, ученый понимает разницу между фундаментальной, прикладной наукой и инженерной работой. В результате, на мой взгляд, готовить научно-популярных журналистов нужно из ученых, но в рамках программ дополнительного образования. Возможно, и на факультетах журналистики. Длительность всего обучения должна быть макси-

мум два года (магистратура). После полугодия обучения студентам необходимо начинать готовить собственные оригинальные научно-популярные материалы для профессиональных изданий. Молодые журналисты когда-то станут редакторами, начальниками отделов, будут давать задания репортерам по горячим научным темам. Они должны хотя бы в общих чертах понимать специфику научно-популярной журналистики. Сейчас в изданиях общего профиля вообще мало понимающих редакторов. Обычно даже профессиональные современные российские редакторы не понимают особенностей материалов на научные темы и дают задания так, как если бы это было, к примеру, политическое событие. По-моему, лучше бы читать курс научно-популярной журналистики всем студентам журфака. Недавно на факультете журналистики Высшей школы экономики с участием студентов и преподавателей проходил круглый стол по научной популяризации. Я объяснял, чем собственно научная новость коренным образом отличается от обычной. Если не брать присуждение премий, юбилеи ученых и даты запуска крупных научных установок. Спросил у студентов: «Земля движется вокруг Солнца со скоростью 30 километров в секунду. Почему же подпрыгнув высоко, человек не оказывается на расстоянии нескольких километров от места, где он стоял?» Ни один не ответил. «Для подавляющего большинства людей

на планете, включая главных и выпускающих редакторов крупнейших СМИ – новость, что тела обладают инерцией и будут сохранять свою скорость, раз она уже у них есть. Этой новости чуть ли не 380 лет. Ньюсмейкер – Галилео Галилей». Кроме того, научным популяризаторам обязательно нужно прочесть курсы по практической философии, истории, социологии, экономике и менеджменту науки. У нас и крупные ученые лишь интуитивно понимают метанаучные вопросы. Работы Поппера, Лакатоса, Файерабенда и других крупнейших исследователей науки многим не знакомы. Или только по цитатам и анекдотам. Впрочем, все эти курсы неплохо бы читать и самим будущим ученым – физикам, математикам, биологам.

Александр Марков, ведущий научный сотрудник Института палеонтологии РАН. Доктор биологических наук. Ведет крупный интернет-проект «Проблемы эволюции». Научные работы были дважды отмечены как лучшие достижения в области палеонтологии РАН. В 2006 году признан фондом «Династия» одним из победителей конкурса научных журналистов.

– Тревожит растущий отрыв фундаментальной науки от общества. Особенно такое заметно в биологии. С одной стороны, за последние полвека биология достигла небывалых успехов. С другой – чем глубже проникают биологи в тайны

живой материи, тем сильнее искажаются их открытия в СМИ и в общественном сознании. Тенденция опасная. В итоге может привести к тому, что общество окончательно перестанет понимать, чем занимаются и зачем нужны ученые. Разумеется, у людей есть потребность в понимании происходящего вокруг. И от ученых ждут ответов на ключевые вопросы об устройстве мироздания. Ответов простых, понятных и окончательных, не требующих от публики интеллектуальных усилий и к тому же соответствующих общественным ожиданиям. Как выясняется благодаря достижениям науки, мир устроен гораздо сложнее, чем нам хотелось бы. Поэтому без целенаправленных усилий современная научная картина мироздания в массовое сознание проникнуть не может физически. Информационный вакуум неизбежно заполняется псевдонаучными измышлениями, мифами и верованиями. Проблема усугубляется полным отсутствием материальной заинтересованности многих СМИ в достоверности сообщаемых ими сведений. В ситуации, когда статьи или телепередачи рассматриваются лишь как броские «прокладки» между рекламными блоками, любые шарлатанские бредни оказываются гораздо более ходовым

и выгодным товаром, чем серьезная наука. Странный и опасный парадокс. Чем успешнее деятельность ученых, тем сложнее научная картина мира, но и ниже конкурентоспособность науки на «свободном рынке информационных услуг». В конце концов, ученые могут просто вымереть как динозавры. И хорошо, если своей смертью, а не на кострах инквизиции. От вошедших в моду позорных «обезьяньих процессов» уже попахивает гарью.

Поэтому популяризаторская деятельность для ученых в современном мире, а в России особенно, не благотворительность, даже не «святой долг», а элементарное средство самосохранения.

Ученые обычно настолько увлечены своей наукой, что не замечают многое из происходящего вокруг. И только когда за ними уже пришли, начинают что-то взволнованно бормотать. Подобно Архимеду с его сакраментальным «не испорти мои чертежи». Непосредственным поводом для создания проекта «Проблемы эволюции» стало то, что я совершенно случайно обнаружил в Интернете огромное количество креационистской пропаганды. **Справка.** Креационизм – от лат. *creatio* – создание, сотворение. Эти ненаучные концепции трактуют многообразие форм органического мира как результат сотворения их Богом. До этого момента я наивно полагал, что в наши дни, когда мы так много знаем об устройстве и историческом развитии органического мира, быть креационистом может только идиот. Я испытал настоящий шок, когда осознал, что быть идиотом для этого вовсе не обязательно. Достаточно просто не знать биологии. В дальнейшем мне стало ясно, что наилучший способ как следует не знать биологию состоит во внимательном и вдумчивом просмотре всех телепередач на биологические и смежные темы. Газетные статьи тоже хорошо помогают. С тех пор я и занимаюсь популяризацией науки.

Марина Аствацатурян, редактор раздела науки журнала *The New Times*. Кандидат биологических наук, работала во ВНИИ генетики. Корреспон-

дент, ведущая и автор научно-популярных и медицинских программ на радио «Эхо Москвы». В 2001 году избрана членом Всемирного технологического конгресса (*The World Technology Network*) в категории *Media and Journalism*. Вице-президент Российской ассоциации научных журналистов и писателей «Интеллект». Сотрудничает с журналами *Science* и *Nature Biotechnology*.



– Самый любимый герой-ученый – тот, с кем только что сделано интервью. Если сравнивать ученых с другими интервьюируемыми, например политиками или артистами, то первые – наиболее комфортный для меня контингент. Мне есть с кем сравнивать, так как был период работы на радио, когда приходилось интервьюировать не только ученых. Перед ними не стоит задача агрессивной саморекламы или рекламы своего института. Дело даже не в скромности, а в бессмысленности «пиара». Ни ассигнования на исследования, ни персональный рейтинг в сообществе от этого не повысятся. Перед журналистом и ученым стоит одна общая задача. Рассказать о том или ином направлении исследований максимально доступно и интересно. И именно в этом проявляется специфика. Нужно не дать



ученому уйти в дебри. Возможно, понятные журналисту, но угнетающие слушателя или читателя. Необходимо и избежать вульгаризации, излишнего упрощения науки. Пиетет к научному знанию и уважение к аудитории – коридор, по которому должно пройти данное интервью. Следует помнить, что прирожденный рассказчик-ученый – не обязательно авторитет в научном сообществе. Это важно для качества подаваемого материала. Авторитет и прирожденный рассказчик в одном лице – редкий и очень ценный экземпляр в коллекции экспертов. И лично для меня при дилемме хороший рассказчик, но средний ученый или признанный специалист, но горе-рассказчик, из кого нужно все тянуть клещами, – выбор в пользу последнего варианта. В таком случае, правда, возрастает нагрузка на журналиста, но есть и гарантия качества. Случаются и анекдотичные ситуации. Пришла к математикам с просьбой объяснить суть квантовых вычислений, на которых строится идея квантового компьютера. В разгар монолога ученый, обращаясь ко мне, говорит: «Вы же понимаете, это как подбрасывание квантовой монеты по телефону»... Встретив мой недоуменный взгляд, он, что-то заподозрив, воскликнув: «Вы не знаете что такое подбрасывание квантовой монеты по телефону? Да об этом с 1994 года знают все!» Мой невнятный ответ потонул в дружном смехе присутствовавших при этом коллег математика...

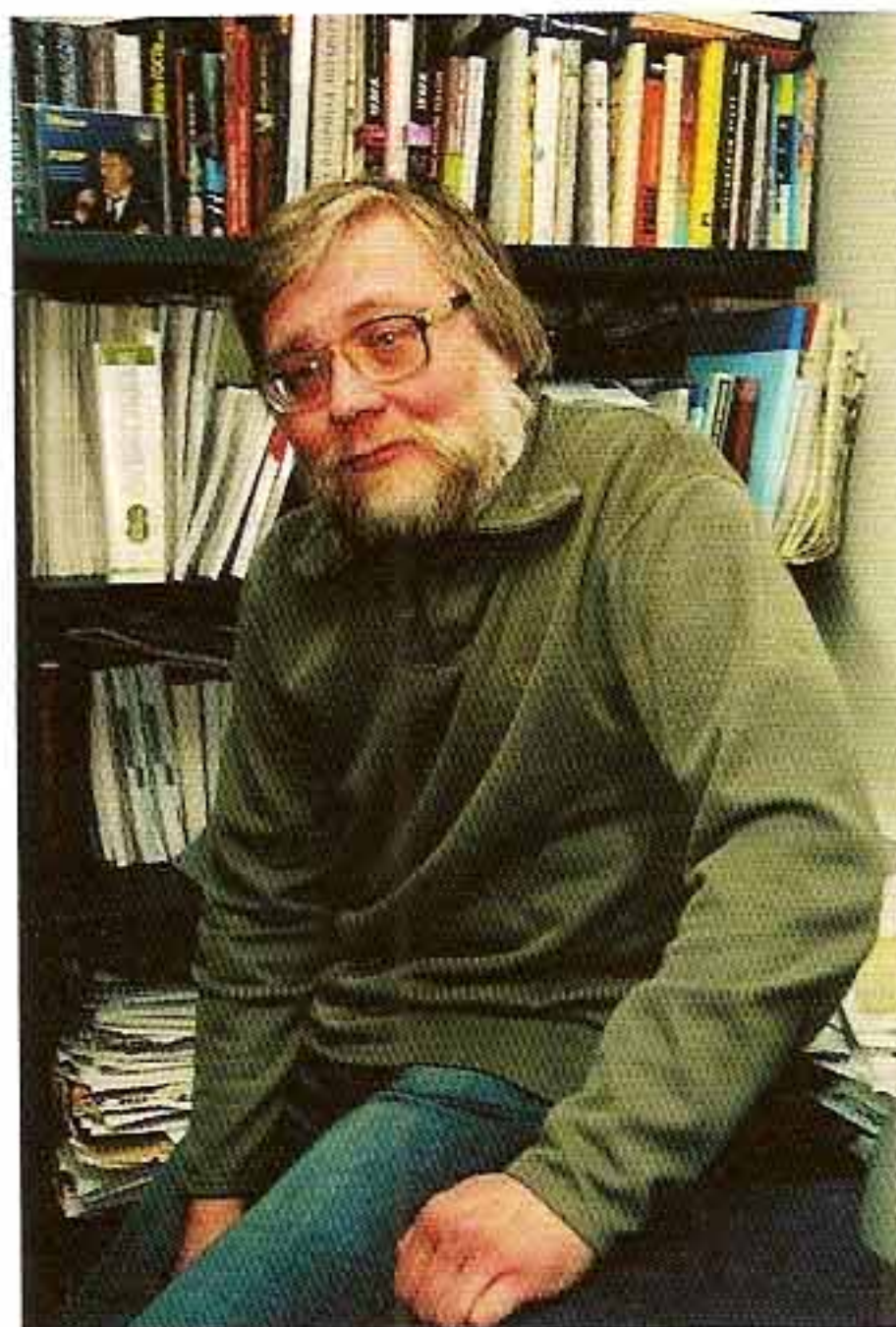
Возвращаясь к вопросу о «любимых» ученых, я все-таки назову тех, кто особенно запомнился. Из недавних бесед – академик РАН Валерий Рубаков, космолог. Из давних, но нестертых из памяти – нобелевские лауреаты биохимик Артур Корнберг и физик Леон Ледерман. Корнберг, вспоминая свой приезд в Москву в самом начале 60-х и участие в подпольном семинаре по генетике, очень темпераментно говорил о последствиях «лысенкоизма». Ледерман, помимо того, что очень понятно говорил про бозоны Хиггса, еще и назвал научную страницу газеты The New York Times лучшей в мире, с чем я абсолютно согласна.

Справка.

Бозон Хиггса – элементарная частица, открытие которой ждут физики после запуска Большого адронного ускорителя в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН) в Швейцарии. По своему опыту могу сказать, что на Западе существует культура научно-популярного интервью. Ученые воспринимают общение с журналистом как свою обязанность. И не могу не вспомнить ярчайший пример образного представления научных фактов. Речь идет об академике РАН океанологе Александре Лисицыне. С ним я, не имея чести быть знакомой лично, делала «телефонное» интервью. Он описывал жизнь подводного мира так, что на другом конце провода мне казалось, что я сижу в батискафе и вижу все своими глазами...

Владимир Губайловский, редактор рубрики «Наука и технологии» сайта радио «Свобода», заведующий отделом критики журнала «Новый мир». Выпускник мехмата МГУ, программист, один из создателей журнала «Школьная компьютерра».

– На мой взгляд, этика научного журналиста ничем особенно не отличается от обычной. Научный журналист, как и любой другой, должен говорить правду или, по край-



СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН

ней мере, не врать. Разница заключается в том, как именно реализуется этот императив. Для репортера главное, наверное, смелость, способность с улыбкой говорить истину царям и другому начальству. Для научного журналиста основное, вероятно, интеллектуальная честность. И перед читателем, и, что не менее важно, перед самим собой. Когда журналист готовит любой научный материал – от самой маленькой новости до развернутого интервью или статьи, – он оказывается в одном из трех состояний. Первое. Журналист понимает, о чем идет речь, и может рассказать о научном событии языком, который ясен заинтересованному читателю. Второе. Журналист понимает проблему, но рассказать о ней не может. Часто это связано с тем, что проблема нова и сложна. И образы, которые могут наглядно проиллюстрировать изложение, еще не найдены. И, наконец, третье. Журналист просто ничего не понимает. И чаще всего в этом никакой его вины нет. Например, в случае, если проблема относится к той научной области, с которой он прежде не сталкивался. Интеллектуальная честность – это способность различать перечисленные состояния и решимость не делать материал ни во втором, ни в третьем случае. Конечно, при определенных усилиях третье состояние может перейти во второе, а второе – в первое. Беда в том, что научный журналист, ничем не отличаясь от любого другого, всегда находится в состоянии цейтнота. Материал нужен именно сегодня. Это создает дополнительное давление и часто приводит к тому, что невнятные, непродуманные, небрежно сформулированные статьи попадают на газетные полосы и сайты. Дефицит времени многое объясняет, хотя никого не оправдывает. Состояние, когда журналист понимает, о чем идет речь, но еще не знает, как об этом рассказать, самое распространенное. Это как раз пространство творчества. И здесь нужно «дотягивать» материал, несмотря на хроническую нехватку времени, риск опоздать за новостной волной. Внутренняя необходимость довести материал до состояния ясности и продиктована, в конечном счете, этикой научного журналиста.